

A man in camouflage gear and a large backpack stands in a snowy forest. The scene is a winter landscape with snow-covered ground and bare trees. The man is looking to the right.

СУПЕР Издателство

Юрий Васильевич
Ефименко

ПОСТИЖЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Юрий Ефименко

Постижение одиночества

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42267101

Постижение одиночества: СУПЕР Издательство; Санкт-Петербург;

2018

ISBN 978-5-907137-55-4

Аннотация

«Возможно, оно действительно есть. Нажитое за века неординарными людьми всех народов и стран, даже самых слабо различимых в истории.

Возможно, только-только складывается всерьёз, произрастая из нелёгкого опыта предков, из наших собственных проб, удач и ошибок, как и предчувствия спроса потомков.

Возможно, в других мирах оно вообще из азбучных истин. И в глубинах нашей Галактики давно проходят в школах куда более важную науку – неодиочества. Как основу всей жизни для мыслящего существа...»

Содержание

Искусство одиночества	6
Земная жизнь до половины	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Ефименко

Постижение одиночества

Андерсен Г.:

Говорят, ты страшно одинок. – Нет. Меня навещают старые воспоминания.

Грин А. («Дорога в никуда»):

Одиночество – вот проклятая вещь, Тиррей. Вот что может погубить человека.

М. Цветаева:

Самый мой большой ущерб – отсутствие одиночества. Я ведь всегда на людях, и днём, и ночью, никогда, ни на час – одна. Никогда так не томилась по другому, как по себе, своей тишине...

Медынский Г.А. («Ступени жизни»):

И одиночество. Да и одиночество... Я думаю о роли одиночества. Мне кажется, что здесь-то и начинается личность – когда человек живёт не тем, что ему дают, во что его тянут, вовлекают и приучают, а тем, что он, оставшись наедине, находит сам, и в себе, и в окружающем его, таком богатом, и в конце-концов, таком прекрасном мире, и в потребности, собственной, внутренней потребности подумать, послушать, ощутить и небо, и землю... Разве такое одиночество или, может быть, вернее уединение – не источник и условие

внутреннего богатства человека?

Генри Дэвид Торо, американский писатель, поэт и философ:

Я никогда не встречал партнёра столь общительного, как одиночество...

Искусство одиночества

Возможно, оно действительно есть. Нажитое за века неординарными людьми всех народов и стран, даже самых слабо различимых в истории.

Возможно, только-только складывается всерьёз, произрастая из нелёгкого опыта предков, из наших собственных проб, удач и ошибок, как и предчувствия спроса потомков.

Возможно, в других мирах оно вообще из азбучных истин. И в глубинах нашей Галактики давно проходят в школах куда более важную науку – неодинокства. Как основу всей жизни для мыслящего существа.

Впрочем, я лично убеждён: сколько и как ни старайся, проблема одиночества никуда от нас не денется, как и более простые – голода, жажды, воздуха для дыхания. Быть может, на миллионы лет.

Спросить бы кого из Туманности Андромеды для надёжности, да попробуй дотянись.

А пока одиночество жестоко косит нас попере́д натуральных болезней: кого их обострением, кого ранним старением, а кого и досрочной потерей личности. Ибо мы не растения. И там, где дано приспособиться организму, никак не выйдет душе, которой нужны не еда, вода и воздух – отношения с другими!

Тем более – чутко и глубоко вочеловеченной. Такова наша

собственная природа.

Заполучить одиночество – ничего проще! Без труда даётся и самое свинцовое – в окружении людьми. Слишком легко сходимся и слишком неохотно скрепляемся в дружбе и в любви. Ненадёжны и в отношениях мимолётно уличных – так редко, поскользнувшись, увидишь протянутую руку! Но и в сузубо производственных – чужой локоть скорее оттолкнёт, чем поддержит.

Другая напасть – мы воспринимаем одиночество едва ли не приговором. А куда лучше прислушаться к древнеримлянину Сенеке: век живи – век учишь жить! И как бы оно ни донимало, не разлюби ни в себе, ни в других человека. Прибавляя света и тепла себе и всем. И одиночество ни за что не обернётся бедой. Первейшее дело – отобрать его у зла. Обращая в добро. В том и суть искусства – вочеловеченного одиночества. Была бы на то наша воля!

Я не сочинял наставлений. Только делюсь опытом его постижения.

Земная жизнь до половины

Страшная наша болезнь – одиночество! Тысячами ходим рядом, нужные друг другу. Важные друг для друга незамечимо. И не сходимся, не можем ни пробиться навстречу, ни удержать. И теряем. Даже то, что случайно нашли.

И она отступать будет медленно. Потруднее, чем справиться даже с раком.

31 год

Одиночество. Абсолютное и непрекращающееся. Одиночество.

Остаётся – ждать.

32 года

Что такое моё одиночество? Жить эпикурейцем в шкуре аскета!

32 года

И снова одиночество – неизбывное, неизменное, непреходящее. Непреодолимое. От одиночества – боль, от боли – одиночество. И нет того дела, на чём бы стоялось.

Привет тебе, бездельное одиночество! До вечного покоя. Хоть бы дотянуть.

32 года

Вечер. Стою во дворе детства. Слышу, вижу, чего никто сейчас не ведает. Да, сбылась проклятая судьба. Одинок.

Когда-то – во дворе. Теперь, знаю, – на весь мир.

32 года

Чтобы любить сегодня людей – нужно быть от них свободным (независимым). Одиноким?

32 года

Господи, сколько вокруг хороших людей, но рядом с ними скоро начну волком выть. От одиночества!!

33 года

В конце концов, это любящие тебя люди – главная опора в собственной нашей маленькой жизни. И верное спасение от одиночества.

И как же тошно, коль нет. Вдруг толкнут – замашешь руками и, оказывается, зацепиться не за кого. Да и не за что – воздух!

34 года

Мучительная потребность в одиночестве, но не среди толпы, а среди гор, лесов, степей, настойчивое желание побыть хоть немного в абсолютном одиночестве (страдаю ныне ею, как болезнью, и не могу работать, трещит голова, ничего не

хочется), – не имеет никакого отношения к домыслам о человеке или творчестве.

Вырваться из безрадостных, изнуряющих отношений и обязательств – вот, что главное. Для передышки душе. И это нормально по нашему времени, ещё слишком перекошенному, с изъятиями, высасывающими душевное здоровье.

Я хочу укрыться от людей хотя бы на неделю, как раз потому что люблю их. И не могу винить в полной мере, что таковы. Я знаю первопричины. А, любя, и не думаю мстить кому-либо за свою боль. Мне важно набраться сил и мужества им помогать и дальше. Любить их – моя человеческая природа. Донимать меня – их социально обусловленное несчастье.

Вот единственный разлад!

36 лет

В природе человека нет одиночества. Оно ему противоестественно. Как чума. Но коль уж мы, при колоссальном обилии лиц перед глазами, встреч и разговоров, связанностей с другими, от родственных до любовных, сплошь и рядом душевно одиноки, не стоит поражаться тому, что вдруг оказываемся последовательны – испытываем тягу к одиночеству и физическому. С того момента восстанавливается порядок вещей: одиночество становится всеобъемлющим, очевидным образом – противоестественным, и пробуждается нормальная тяга к людям, к их жизни, к их разговорам, сме-

ху и страданиям.

Всякий нормально развитый человек отзывчив. Его отзывчивость подвижна, действенна, активна. Активность душевной отзывчивости требует много сил, энергии и времени. Расход сил, энергии и времени зачастую оборачиваются невосполнимыми потерями, коль встречная отзывчивость минимальна. Оттого – усталость. Любая усталость последуется желанием передышки – отдыха от других.

И это не умственная игра – Жизнь!

36 лет

Как поздно узнают живые, развитые люди, что самое страшное на свете, похуже потери защитных принципов, потяжелее измен, чудовищнее проклятий и болезней, – одиночество. И ничего болезненней одиночества душевного.

Потому что нет ничего лучше открытых тебе взглядов, тёплых слов, честных рукопожатий, крепких объятий, доверяемых сомнений, тайн, переживаний, болей. *Непредательственности*. Ибо все они верное доказательство того, что ты истинно человек, сохранивший себя человеком несмотря ни на что, и такой – не один!

37 лет

К постоянному и долгому одиночеству можно вполне привыкнуть, свыкнуться с ним и даже вообще не замечать. Пока что-нибудь не случится из ряда вон. Или не накопится в

душе столько смертельной усталости, что в одиночку не одолеть.

37 лет

Но я особенно люблю людей, когда есть возможность время от времени побыть одному. Тишина и одиночество лучшее из социальных лекарств на нынешнее никчёртное время.

37 лет

И вдруг, под полуночный дождь, тоска. Давняя, заглушенная, забытая знакомка. Устал от одиночества. Но и вымотался без одиночества. И эти одиночества друг другу рознь.

39 лет

Что была жизнь Рафаэля? Кажется жизнью Моцарта – творил легко, создавал изящное. Светлый характер. «Хрупок на вид, женственно красивый». Был добр и отзывчив, деликатен и обходителен. Открыт людям.

Чем была жизнь Рафаэля ему самому? Не столь драматична, как у Леонардо да Винчи, и не столь мучительна, как у Микеланджело, своих же современников и соплеменников.

Но кто задумывался хотя бы над примером исторически более близким, более известным и доступным исследованию и осмыслению, как жизнь Моцарта? И кто задавался вопросом: отчего Рафаэль в последние годы (вряд ли он принимал их за таковые, но знал – земную жизнь прошёл наполовину)

писал в основном мадонн? Заказы? Их было достаточно, чтобы не исполнять всякий. Набожность? Об особой набожности Рафаэля не слышно. Рядом с ним Микеланджело – христианский фанатик. Беспокойство воспоминаний о счастливом раннем детстве с тоской по любимой матери? Быть может. Следование отцу-художнику, кто оставил после смерти Мадонну Маджи? Возможно.

Но этого мало, чтобы так сосредоточиться на совершенствовании, одарившем мир «Сикстинской мадонной». К тому же неизвестно, насколько сам он высоко оценивал это своё творение, думая о новых и, по его замыслу, более совершенных. А, быть может, она его Реквием?

О своих глубочайших переживаниях истинные художники менее всего говорят, и особенно – своим ученикам, последователям, поклонникам. Жизнь Рафаэля – не менее загадка, чем жизнь Леонардо да Винчи. Лишь другая.

Стремительный путь к славе, всеобщее почитание, благосклонность власти, преданность возлюбленной – во всём достаток для счастливого художника. Всё, что необходимо высвобождению для творчества!

И над всем этим великолепием – неуловимое одиночество, не менее острое и напряженное, чем у Леонардо и у Микеланджело. Доказательства?

Одиночество среди людей (в тесноте их окружения!) – самая скрытая из тяжких болезней. И не просто разглядеть приметы. Это посредственность вопит о своём одиночестве,

вина в нём весь мир. Гений – работает. Он над одиночеством даже в такой пустоте окрест, какая выпала Рембрандту.

Но у всякого развитого человека, у каждого подлинно талантливого художника есть и должно быть особое чувство, которому не столь важно признание его заслуг (как и грохот несправедливых суждений). Куда дороже понимание. В каждом его дне и часе, в творчестве, в передышке, в победах и неудачах.

Форнарина была счастливейшей из возлюбленных. Ученики – счастливейшими из учеников, кому в эпоху Возрождения сравниться разве что с ближайшими из учеников Леонардо да Винчи. Его друзья...

Они были? Поклонник ещё не друг. Скорее ревнивый слепец. Да, у Рафаэля не было очевидных врагов, как у других. Но на кого он мог опереться в сомнениях? К кому стучался в печали? Покровители для того и вовсе не годятся.

И это ли ещё – одиночество?

Рафаэль был счастлив безоговорочно, пожалуй, одним – душевным здоровьем. Каким оно виделось со стороны.

Но что ещё так подтачивает, кроме одиночества? Когда талантливые художники обращаются к величайшему из источников вочеловеченной любви – к матери, как не в дни острой необходимости цельности этого здоровья! Как не в предощущении потерь с охватыванием тоской как раз по нему!

Что есть одиночество Рафаэля, в ком были чудесно сли-

ты и светлый человек, и светлый художник (без примесей различных перекосов его жестокого времени)? И какое может быть одиночество у такого мощного творца, бережного к прошлому, чуткого к современности и принадлежащего будущему?

Не то ли самое, что всё-то его относят к выразителям эпохи, её идеалов? А на деле выражал он, как свойственно большому художнику, поболее просто эпохи: возрастание человека в человеке! Независимо от того, думал ли Рафаэль об этом, нет ли. Чем больше талант, тем ему реальнее дано ощущать творимое во всей его предназначенности и силе обращения к людям сегодня и завтра. К современникам, но и к потомкам. Это закон (пусть – закон Рафаэля!).

Одиночество Рафаэля (и не только его) заключалось уже в том, что в полной мере откровенности, на всей высоте искренности он мог разговаривать лишь со своими творениями, не полагаясь и на тончайших ценителей. Похвалы, восторги, воспевания дара и созданных шедевров не восполняют понимания.

Одиночество Рафаэля начинается с того (подавлял ли он в себе эти мысли или они вовсе не возникали), что подлинное его время и подлинны его люди, кому были бы ровень его создания и с кем не был бы одинок, ещё и от нас очень далеко – за тысячелетиями. По-настоящему он принадлежит не своей колыбельной эпохе, прозванной Возрождением и не нам (как бы ни кичились достижениями!), а тем векам, где

гуманизм станет всеобщим мировоззрением человечества, планетной философией, точкой отсчёта всего создаваемого и всего созданного. Наследия, оставленного Рафаэлем, в том числе (если удастся сберечь).

Одиночество Рафаэля (пусть и благополучнейшего из собратьев-художников) – это одиночество вершины среди пологих холмов. И не то важно, что где-то рядом просматривались и другие, а то, что в Гималаях нет одиночества вершин, пусть и не все пики равны друг другу.

В том и состоит нелёгкая для разумения диалектика этих взаимоотношений: высочайшего таланта, называемого гением, и охваченного им времени: насколько он ощутил и сколь верно прикоснулся к сущности человека и человеческой жизни в пространстве от обозримого прошлого до видимого будущего.

И это правило их измерения – Рафаэля, Леонардо и многих других из разных эпох и различных народов! Творцов! Но и закономерность скрытых или очевидных трагедий их внутренней жизни.

Да, одиночество Рафаэля – вовсе не тот мучительный крест, который нёс на себе мужественно Микеланджело. Рафаэль был действительно счастлив (как и человек, написавший эти строки, что и как бы ни случилось в его жизни). Ибо то, что не имеет личность, восполняет художник.

А всё же любое одиночество, даже крошечное, не перестаёт быть одиночеством. Как горошина у сказочной прин-

цессы Андерсена.

39 лет

Да, у меня нет друзей. Есть только добрые люди, чьей помощью спасаюсь время от времени и кому сам готов всегда помочь.

В моей записной книжке несколько сот телефонов. Мне достаточно знакомы несколько тысяч человек. А за свою жизнь вызнал по меньшей мере десятки тысяч лиц, имён, судеб, что побывали возле меня, с кем сталкивался на перекрётках жизни. Или кого наблюдал со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.